

Олег Журавлев

Наталья Савельева

Светлана Ерпылева

ИНДИВИДУАЛИЗМ И СОЛИДАРНОСТЬ В НОВЫХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

Статья написана на основе социологического исследования динамики новых локальных движений, возникших после митингов «За честные выборы». Авторы показывают, что движения, появившиеся на волне энтузиазма участников митингов и наблюдателей за процессом голосования, постепенно приходят к кризису и демобилизации. Механизмом разобщения является усиление изначально присутствовавшего противоречия между стремлением воспроизвести опыт солидарности и коллективного действия, пережитый активистами на митингах, и этикой самостоятельности и индивидуализма, которую разделяют участники движений, социализировавшиеся в эпоху деполитизации. Эмпирическим материалом для работы стали 36 глубинных полуструктурированных интервью с участниками трех активистских групп, две из которых находятся в Москве и одна – в Санкт-Петербурге. Интервью проводились в 2012 и 2013 гг.

Ключевые слова: индивидуализм, коллективность, гражданская самоорганизация, локальные движения, протест, деполитизация

Олег Журавлев – докторант программы PhD, Европейский университет-институт, Флоренция, Италия; исследователь, Лаборатория публичной социологии ЦНСИ (PS Lab), Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: OlegZhur@yandex.ru

Наталья Савельева – исследователь, Лаборатория публичной социологии ЦНСИ (PS Lab), магистр факультета политических наук и социологии, Европейский Университет в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: natasha-saveleva@yandex.ru

Светлана Ерпылева – Европейский Университет в Санкт-Петербурге; исследователь, Лаборатория публичной социологии ЦНСИ (PS Lab), Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: yerpylovas@gmail.com

Ульрих Бек в книге «Индивидуализация» (Beck, Beck-Gernsheim 2002) и Ханна Арендт в работе «Между прошлым и будущим» (Arendt 1968) понимают проблему политической свободы в контексте приватной и публичной сфер, индивидуального и коллективного измерений человеческого опыта. Как Арендт, так и Бек утверждают, что индивидуализм и индивидуальная свобода, которые позже стали считаться основой демократии, и вместе с тем подверглись критике из-за угрозы солидарности, возникли вовсе не с приходом либерализма, капитализма или общества потребления, а в поздней античности и раннем христианстве. Именно тогда произошло открытие «жизни разума» в античной философии и религиозного «внутреннего мира», где происходит борьба с собственными страстями. Совпадая в постановке вопроса, формулировке проблемы и утверждении хронологической рамки, Арендт и Бек расходятся в оценке политического значения индивидуальной свободы. Если для Арендт ее появление знаменует конец подлинной публичной политики раннего древнегреческого полиса, то для Бека индивидуальная свобода являет новый образ демократии. Арендт утверждает, что «внутренняя свобода» – это вытеснение политической свободы, понимаемой как совместное публичное действие, в пространство «внутреннего мира» или частной жизни: когда у людей больше нет возможности и места для политики (например, в тоталитарных странах), им остается держаться за «внутреннюю свободу» (ее никто не отнимет) или укрываться в анклавов приватной жизни, защищаясь от вмешательства государства. Для Бека индивидуальная свобода и индивидуализация как новый тип социальной структуры «второго» модерна, характеризующегося распадом социальных классов, – это новый лик политической свободы, продукт развития демократии и плод борьбы с тоталитаризмом, а коммуникация в рамках приватной сферы о правилах совместной жизни – политический навык, необходимый для построения гражданского общества. Вместе с тем, Бек подчеркивает, что основным вопросом, на который до сих пор нет ответа, остается вопрос о конкретных формах гражданской жизни, способных объединить индивидуализированных членов современного общества в социальные движения, практикующие политическую свободу.

Центральный вопрос статьи – как композиция приватной и публичной сфер современного российского общества, индивидуалистические ценности и коллективный опыт новых поколений российских граждан определяют их представления о политической свободе и практики их политического и гражданского участия, в том числе вовлечение в деятельность по решению локальных проблем своих сообществ. Этот вопрос крайне актуален именно сейчас, когда впервые за 20 лет в России вспыхнуло массовое движение, поднимающее на щит требования свободы и демократии. Важно, однако, учитывать, что это движение возникло в обществе, в последние десятилетия находившемся в состоянии деполитизации, главные черты которой – распад коллективных тел, торжество этики частной жизни и дискредитация

самой идеи публичной сферы. Как мы увидим ниже, деполитизированный контекст не только определяет особенности вовлечения граждан в политическое движение, но затрудняет любые виды гражданской (само)организации, в том числе те, что направлены на заботу о благополучии мест проживания активистов.

Деполитизация в России как господство приватной сферы

Многие исследователи утверждают, что с провалом хрущевской «оттепели», произошедшим вследствие разочарования советских людей в коммунистическом проекте, с переменами в социальной политике государства, обеспечившими появление нового типа доступного жилья, и с относительным смягчением репрессий, люди погрузились в «приватно-публичную» сферу (Воронков 2005). Дискредитация официальной публичной политики в начале 1970-х гг. привела к двум типам «антисоветского» поведения: диссидентскому движению, с одной стороны, и «исходу» в частную жизнь, который характеризовался «этикой неучастия» в официальной политике, с другой (Прозоров 2012). После мобилизации конца 1980-х и начала 1990-х гг. ельцинский авторитарный поворот и разочарование в экономических реформах привели к новому «исходу» российских граждан в частную жизнь. Процесс позднесоветской и постсоветской деполитизации синхронизировал в рамках единой тенденции разные установки: стигматизацию «политики», как официально-государственной, так и протестной; отказ от коллективного и публичного в пользу индивидуального и приватного. В совокупности с риском, связанным с политической деятельностью, это привело к переориентации коллективного действия с публичной на социальную и приватную сферы: люди объединялись не для протестных выступлений, но с целью улучшить собственную «среду обитания» или решать внезапно возникшие социальные проблемы. Примерами таких инициатив являются градозащитные движения, описанные Борисом Гладаревым (Гладарев 2011), или протесты, посвященные отмене льгот, сокращениям заработных плат, уплотнительной застройке, исследованные Карин Клеман (Клеман и др. 2010).

Фактическое отсутствие гражданского общества в посткоммунистических странах объясняется тем, что граждане этих стран не участвуют в добровольных объединениях не столько из-за недостатка ресурсов, сколько из-за позднесоветского скепсиса в отношении политики и распространения личной дружбы, которая замещает собой публичную сферу и делает участие в гражданской жизни лишним (Kashirskih 2013; Ховард 2009). В 1980-х гг. в очередной раз происходит разочарование в коллективных инициативах, которое формирует «этику самостоятельности», отрицающую авторитет коллективных объединений и утверждающую независимость индивидуальности (Kharkhordin 1994).

По мнению Сергея Прозорова, постсоветская деполитизация характеризовалась «исходом» в приватную сферу, где люди, лишённые специфических идентичностей вследствие исчезновения универсалистского коммунистического проекта, начали жить «бездеятельной жизнью» (терминология Дж. Агамбена), заключающейся в простом употреблении способностей без какой-либо цели (Прозоров 2012: 179). Таким образом, люди не стали индивидуалистами, скорее, их жизнь была лишена исторического горизонта и какого-либо рационального проекта будущего. Индивидуализм в этом отношении смыкается с социальным эгоизмом: люди выстраивают свое поведение, исходя из краткосрочных экономических интересов. Стигматизация политики и публичной сферы связана с их избыточностью по отношению к экономической мотивации: «Представление о желаемом политическом порядке диктуется его утилитарной интерпретацией, а не ценностью участия в его становлении; в результате институты (публичной) политической коммуникации обесцениваются» (Kashirskih 2013).

Вместе с тем, освобождение от гнета власти государства-партии и субъективизация нового поколения в атмосфере свободы (пусть даже и редуцированной до экономически мотивированной свободы выбора) дали свои политические плоды: без идеала самостоятельности и минимальных условий индивидуальной свободы «Движение за честные выборы» никогда не возникло бы или было бы совсем другим. Как приватно-индивидуальный образ жизни и этика самостоятельности влияют на представления и практики политизации в современном российском обществе? Ответ на этот вопрос мы предлагаем в данной статье, посвященной изучению локальных активистских групп, возникших на волне митингов «За честные выборы». Мы попытаемся продемонстрировать амбивалентное влияние инерции деполитизации на самоорганизацию граждан в современной России. Мы покажем, что индивидуалистические установки участников протестов наделяют ценностью добровольное, независимое и свободное участие в публичной сфере, в инициативах, направленных на решение социальных проблем своих сообществ. Вместе с тем, эти же установки приводят к страху потери индивидуальной свободы в коллективном действии и форсируют отказ от него. Иными словами, мы демонстрируем, как обратной стороной «этики самостоятельности» становится «этика неучастия».

От общероссийского митинга к локальным движениям

Локальные движения, которым посвящена статья, заявили о себе весной 2012 г. В этот момент бывшие наблюдатели решили продолжить протестную активность на локальном уровне и создали небольшие активистские группы, к ним присоединились рядовые участники митингов и сочувствующие. Показательно, что такие локальные движения появились в крупных российских городах независимо друг от друга. По крайней мере, в 17

из 125 районов Москвы существуют (или существовали до недавнего времени) подобные группы. В Московской области нам удалось обнаружить 9 таких инициатив, в Санкт-Петербурге – 4, а в Ленинградской области – 6. Можно выделить три основные сферы деятельности гражданских объединений: наблюдение за муниципальной властью (посещение муниципальных собраний, отслеживание различных инициатив администрации), информирование жителей (выпуск информационных листовок или газеты, посвященных проблемам района, деятельности администрации и текущим политическим событиям) и благоустройство города и окружающей среды (проведение инициативных проектов через администрацию, защита скверов и парков, борьба против расширения дорог). По сути, участники этих инициатив пытаются брать на себя решение вопросов социальной сферы, в которых деятельность государства дает сбой.

Статья основана на анализе 36 полуструктурированных интервью с участниками трех таких групп, две из которых находятся в Москве («Штаб» и «Группа наблюдателей», ГН) и одна – в Санкт-Петербурге («Гражданское объединение», ГО). Первую серию интервью мы провели в 2012–начале 2013 г., вторую – в конце 2013 г.

В статье, посвященной американскому движению *Оккупай Уолл-Стрит*, Джеффри Джурис прослеживает эволюцию формы коллективного действия: от «скопления индивидов» к «рабочим группам» (Juris 2012). Анализируя, как мобилизация в форме сбора множества людей в одном месте в одно время по мере ее угасания сменяется созданием «рабочих групп», ставящих перед собой конкретные социальные и политические задачи, Джурис отмечает, что две эти формы связаны отношением преемственности: активисты создают локальные группы, чтобы продлить движение *Оккупай Уолл-Стрит* в новых условиях. Эту эволюцию протестных форм, как и лежащую в ее основе мотивацию воспроизводства опыта движения, мы наблюдали в России в 2011–2013 гг., когда после массовых митингов их участники создали локальные активистские группы.

Трансформация митингов в локальные группы для России, скорее, нетипична. Например, Карин Клеман и Борис Гладарев, изучавшие протестную мобилизацию до митингов «За честные выборы», сходятся в едином мнении: люди организуются в движения, сталкиваясь с социальными проблемами, относящимися к сфере их повседневного существования, в решении которых они непосредственно заинтересованы, зачастую замещая деятельность государственных сервисов¹ (Клеман и др. 2010; Гладарев 2011). В отличие от изученных в России локальных протестных групп, вызванных к жизни неотложными и близкими каждому из участников проблемами,

¹ Например, в случае градозащитных движений активисты инициируют проведение различных экспертиз. То же самое происходит, когда речь идет о кампаниях, выступающих против уплотнительной застройки.

деятельность инициатив, находящихся в фокусе нашего внимания, не мобилизована конкретной задачей, требующей немедленных коллективных действий. Участники этих групп сначала решают объединиться и лишь затем выбирают ту социальную проблему, с которой они будут работать: «... *Что касается вопроса, возникающего перед нами – чем заниматься – заниматься, чем угодно. Потому что огромное количество каких-то занятий впереди*» (ж., 1983 г.р., участница ГО, высшее юридическое образование, адвокат). Таким образом, новые локальные группы, с одной стороны, похожи на социальные движения, изученные указанными выше авторами, потому что их повестки совпадают: защита сквера от вырубки, дома – от сноса. С другой стороны, генезис этих групп совершенно другой: они мобилизованы не «вторжением» властей в близкое пространство и не требующей срочного решения проблемой, но желанием продлить коллективное действие как таковое, опыт которого их участники пережили на митингах и/или работая наблюдателями.

Как можно объяснить обратную последовательность процесса политизации – от «общего к частному», в отличие от привычного «от частного к общему»? Ответ, на наш взгляд, кроется в той роли, которую митинги и опыт наблюдательской деятельности сыграли для участников движения. Можно предположить, что митинги оказались событием, причастность к которому повлияла на субъективность участников, стремившихся после угасания мобилизации продлить опыт протестной активности. В последнее десятилетие социологи и психологи, изучающие протест, пишут о том, что массовые мобилизации – это не только результат структурных условий, распределения ресурсов и доминирования тех или иных идентичностей, но и субъективно значимые события, которые производят новые ресурсы, новые идентичности и новых коллективных субъектов (Walgrave, Klandermans 2010; Della Porta 2014). В то же время после длительных периодов политической пассивности судьба протестных движений во многом зависит от творческой активности людей. Скотт Хант и Роберт Бэнфорд, например, доказывают, что коллективное действие не «чудесным образом вдруг появляется из структурных условий или психологических предрасположенностей к активизму», но напротив, это «процесс, продукт и результат человеческого труда» (Hunt, Benford 2004: 438).

Эти наблюдения особенно важны для анализа протестов в деполитизированном обществе, где отсутствие институционализированной публичной сферы, активистского опыта и ресурсов коллективного действия, а также неопределенность реакции государства, делают не предопределенные структурными условиями политические события и субъектность движущей силой политизации. Кроме того, деполитизация, понимаемая как отсутствие опыта публичной сферы, в каком-то смысле обусловила эмоциональный взрыв, вызванный переживанием чего-то радикально нового. Почему участники митингов выбрали для продолжения протестной активности именно

локальную проблематику и такой же масштаб действия? Дело в том, что новые движения связаны с митингами отношением как преемственности, так и противопоставления. Многие участники новых локальных инициатив рассматривали активистскую деятельность в своих районах не просто как следствие «Движения за честные выборы», а как часть этого движения и способ его продления до следующих выборов:

... до межсезонья, до следующих каких-то выборов переориентироваться в такое некоторое гражданское объединение, то есть решать постепенно какие-то проблемы уже в самом районе (м., 1990 г.р., участник ГО, незаконченное высшее образование).

Новые локальные группы возникают из той же эмоции, которая запустила волну протестных акций 2011–2012 гг., когда, по мнению Дениса Волкова, «неожиданно большое количество протестующих, множество новых молодых лиц на Чистых прудах создали, по словам опрошенных участников, атмосферу воодушевления. Это чувство стимулировало создавать новые, а также включаться в работу и менять формат существующих общественных объединений» (Волков 2012). Это воодушевление было связано в первую очередь с чувством единства с другими участниками протеста (Журавлев, Магун 2012). Многие активисты локальных групп подчеркивали эту преемственность с митингами и работой наблюдателями, связанную со стремлением продлить опыт солидарности и коллективного действия как такового:

С самого начала об этом думали и, наверное, понимали, что так это не кончится, что нас все равно будет что-то связывать, потому что все-таки это несколько суток вместе все сидели, книжки эти все изучали, и как-то все сплотились. Поэтому как-то все сразу, даже мысли не возникло, все равно будем вместе что-то делать (м., 1995 г.р., участник ГО, незаконченное среднее образование).

С другой стороны, эти же гражданские активисты говорили о мотивации присоединиться к группе в терминах «реальных дел», которые противопоставляются слишком политизированным массовым митингам, далеким от конкретных нужд людей и практических изменений:

Я <...> начала понимать бессмысленность происходящего в том виде, в котором есть, митинги бессмысленны. Если выбирать между выйти на несанкционированный сомнительный митинг, не понятно, о чем, выйти с красными флагами Удальцова, и между тем, чтобы реально попытаться что-то сделать в своем районе, я выберу попытаться что-то сделать в своем районе (ж., 1995 г.р., участница «Штаба», незаконченное высшее образование).

Таким образом, деятельность активистов внутри новых локальных инициатив содержит два стремления: действовать так, чтобы видеть непосредственный результат своих усилий в области улучшения условий

своего существования, и в то же время сохранить опыт объединения, полученного в ходе массовых демонстраций и работы наблюдателями.

Индивидуалистическая этика политического участия

Дискурс «реальных дел», к которому обращаются активисты новых локальных движений в противовес «протестам ради протестов», во многом обязан своим появлением идеологии «малых дел», чье распространение сопровождало подспудную политизацию в России до 2011 г. «Малые дела» (помощь детским домам, сбор средств на решение конкретных проблем или борьба за чистоту¹) изначально подразумевали такую форму участия, которая позволяла быть включенным в публичную сферу и поддерживала чувство выполненного долга для индивида, совершающего полезные поступки, не требуя при этом объединения в социальные или политические движения (Вольпина 2013). Проект «реальных дел» в новых локальных движениях, как показывают наши интервью, – это попытка соединить идеологию «малых дел» и коллективное действие, опыт которого стал самооценным после митингов.

Вот уже полвека западные исследователи говорят о том, что деятельное участие в либеральных демократиях сменилось псевдоучастием, заключающимся в том, чтобы раз в несколько лет опустить в урну бюллетень. Это псевдоучастие содержит в себе два элемента: оно, во-первых, сугубо индивидуально, почти приватно, а, во-вторых, является разовым актом, который многими трактуется как жест «оправдания» за политическую пассивность (Крауч 2010). Иными словами, культуре аполитичности свойственно псевдоучастие, выражающееся в единичных, одиночных и одиноких актах «выполнения моего гражданского долга» или «выражения моей гражданской позиции». Этика индивидуального участия предполагает восприятие политической практики как единичных жестов добровольно-благотворительного вклада, а ее обратная сторона – это принципиальная готовность этот вклад аннулировать, отказавшись от участия.

В своем анализе митингов на основе интервью с протестующими мы показали, что несмотря на эмоциональный порыв единения, солидарность на митингах была во многом единством одиночек-наблюдателей, выстраи-

¹ См., например, такое описание «малых дел» в интервью правозащитницы И. Ясиной: «Существуют две параллельные реальности. Я живу в реальности людей, которые, несмотря ни на что, каждый день что-то создают, что-то делают. Вытаскивают детей из детских домов, ездят к старикам в дома престарелых, собирают деньги на благотворительную помощь детям, больным раком. В этой реальности художница делает красивые макеты для детских поликлиник, чтобы ребенок не пугался. В этой реальности молодые предприниматели скинулись и восстановили находившийся в аварийном состоянии мост в городе Шарья, в глуши, в Костромской области. (...) В этой российской реальности происходит постоянная движуха. Кто-то работает с детдомами, кто-то спасает котов, кто-то строит мосты» (Интервью 2013).

вавших дистанцию по отношению к коллективному телу (Преодолевая деполитизацию... 2013). Таким образом, индивидуалистическая этика политического участия представляет собой желание присоединиться к коллективному протесту, сохраняя при этом статус независимого индивида, который чувствует свое право в любой момент покинуть место коллективного действия вследствие разочарования или угрозы индивидуальной свободе. Такой индивид в каждый момент находится как бы и внутри, и вовне пространства коллективного действия: он движим волей к объединению, но при этом всегда сохраняет свою позу и статус одиночки-скептика. Индивидуалистическая установка, мутируя, находит свое воплощение и в деятельности новых локальных движений, где «реальные дела», пришедшие на смену «малым делам», становятся идеологией и этикой политического участия, позволяющей реализовать стремление к воспроизводству коллективного действия, при этом сохраняя индивидуалистические ценности и дистанцию по отношению к опасному «политическому», замещая его совместными действиями по решению социальных проблем и улучшению окружающей среды.

Коллективы индивидуалистов

Весной 2012 г., после президентских выборов, в самом начале формирования новых гражданских инициатив, активисты были полны оптимизма и воодушевления. Уже через полгода эти чувства сменились разочарованием, а к зиме можно было говорить о кризисе локальных движений. Он заключался как во все возрастающем скепсисе в отношении возможности и эффективности коллективных действий, так и в уменьшении активности самих групп: участники стали постепенно возвращаться к повседневным заботам и делам, все чаще предпочитая их активизму. Встречи проводились реже, а кампании, которые изначально задумывались как коллективные, превращались в индивидуальные проекты отдельных участников.

У описанного кризиса много причин: недостаток ресурсов и политического опыта, инертность среды, разобщенность отдельных групп, отсутствие проблем, требующих немедленного решения. Однако помимо этих обстоятельств, которые отличают локальные движения друг от друга, есть общий для всех объединений механизм стагнации: противоречие между желанием продлить коллективное действие и индивидуалистическим эгоизмом участников, которые рассматривают любой коллектив или объединение как потенциальную угрозу свободе личности. Изначально движимые стремлением к объединению и совместному действию, участники новых локальных объединений в то же самое время демонстративно настаивают на своем праве отказаться от участия в коллективных проектах движения, чтобы сохранить свою независимость и индивидуальность.

Как мы уже отметили, одним из важных стимулов включения в гражданский активизм на волне «Движения за честные выборы» была возмож-

ность продлить опыт соприсутствия и чувство единства. В то же время, активисты привнесли в групповую работу не только идею конкретных действий и осязаемого результата, но и базовые представления о принципах взаимодействия в коллективе. Основное его условие – отказ от какого-либо принуждения со стороны отдельных индивидов и группы в целом:

На самом деле я не сторонник демократического централизма, когда все проголосовали, а потом все делают то, что большинство сказал, независимо от того, согласен или нет. В общем, мы – свободная организация. Значит, если кто-то что-то хочет делать, он это делает. Не хочет делать – он этого не делает (м., 1983 г.р., участник «Штаба», высшее образование, программист).

Обратной стороной отказа от принуждения стало ожидание от каждого участника инициативы и готовности взять на себя ответственность за организацию кампаний. Идеальная модель группы, какой ее представляют себе сами участники, – это объединение, состоящее из равных, связанных общими устремлениями индивидов, каждый из которых проявляет инициативу и готов прилагать усилия для реализации конкретных задач. Так, один из участников, объясняя, почему он не пытается более активно привлекать к осуществлению текущих кампаний других активистов группы, объясняет:

Если я буду слишком настырно предлагать, это уже будет не их инициатива, а моя. Если у них не будет инициативы, то вообще ничего не будет. Никакого гражданского общества не будет, если инициатива будет моя (м., 1981 г.р., участник ГО, высшее образование, частный предприниматель).

Этика индивидуализированного участия влияет и на специфику организационной структуры локальных движений. Их участников объединяет (или, может быть, разъединяет) ориентация на проектную модель организации своей деятельности по решению локальных проблем сообществ. Как мы показали выше, активисты ориентируются на достаточно разнородные по своему содержанию проблемы – от надзора за муниципальной властью и участия в локальных политических кампаниях до вопросов благоустройства, экологии или борьбы против застройки. Деятельность групп состоит из совокупности проектов, каждый из которых сосредоточен на какой-то одной социальной проблеме – защита парка от вырубки, благоустройство детских площадок, организация раздельного сбора мусора, попытка контролировать действия муниципальных чиновников. Между собой проекты могут быть связаны общим стремлением к гражданской активности и убеждением в необходимости участия; то есть, они, как и логика отбора повесток, не подчинены четко артикулированной программе. Кроме того, обычно проекты координируются и привлекают разных участников: поддержка того или иного замысла конкретным активи-

стом связана как со сферой его компетенции (делать то, что я умею), так и с личными интересами (делать то, что мне интересно) и предпочтениями (делать то, что я считаю правильным).

Кризис, с которым столкнулись локальные движения, – это усиление противоречия, изначально присутствовавшего в протесте. Стремление к сохранению единства, происходящее из опыта массовых акций, зачастую оказывалось скорее стремлением к соприсутствию, подобному соприсутствию одиночек на митингах, нежели к согласованному коллективному действию. В результате разделение обязанностей постепенно приводило к разобщенности: те, кто были включены в различные проекты, в какой-то момент переставали взаимодействовать друг с другом. Модель организации сообщества, первоначально подразумевавшая согласование, обсуждение и совместную реализацию проектов, постепенно превращалась в набор индивидуальных инициатив, о некоторых из которых отдельные участники группы могли быть даже не осведомлены (как отмечал один из участников, «каждый ведет свою маленькую войну» (м., 1981 г.р., участник ГН, высшее образование, работник в сфере энергетики). Результатом неосведомленности становилась фрустрация и ощущение недооцененности своего вклада в решение общих социальных проблем со стороны других:

Довольно много времени [тратил на деятельность в группе]. Это одна из причин, почему я прекратил этим заниматься. Если бы была какая-то мощная поддержка [со стороны других участников], и это показало, что мы развиваемся, развиваемся, то, может быть, меня на большее хватило. А вот просто понял, что трачу много времени, а отдача не самая большая. И в общем-то у меня есть в жизни еще чем заняться (м., 1987 г.р., участник «Штаба», высшее образование, книговед, работает в сфере книгоиздания).

Участники локальных движений придерживаются разных политических взглядов и по-разному видят желаемые стратегии действия. Коллектив, понимаемый ими как объединение индивидов, которые вольны действовать так, как они считают необходимым, не предполагает выработки общей политической позиции или идеологии. Карин Клеман показывает, что в локальных движениях, мобилизованных неотложными проблемами (увольнения, урезание зарплат, монетизация льгот, и др.), политические разногласия участников вытесняются, «гасятся» общей угрозой (Клеман и др. 2010). В случае пост-митинговых движений, перед которыми не стоят неотложные и угрожающие всем проблемы, а стоит общее представление о необходимости решать проблемы своих сообществ и быть активными гражданами, разногласия по поводу политических предпочтений или стратегических вопросов могут стать потенциальным источником мировоззренческого конфликта. Этот конфликт приводит к артикуляции и реактивации индивидуалистического этоса, воспринимающего любой коллектив как угрозу индивидуальной свободе:

Уже была такая проблема, когда я чуть не выпала из этой конкретной задачи, по поводу парка. Потому что пошли в разрез мои представления о том, что нужно, с мнением других людей, которые этим занимаются ... Дело не в том, что я, да, там, решила... Вообще мне подстраиваться под общественное мнение очень сложно. Не под общественное мнение, а под мнение большинства (ж., 1983 г.р., участница ГО, высшее образование, адвокат).

Наконец, из опыта митингов активисты наследуют этику индивидуализированного политического участия, благодаря которой они продолжают рассматривать свои действия как проявление свободной и суверенной воли: я участвую, потому что это мой свободный выбор, и я предупреждаю, что в любой момент могу отказаться от участия. Это поддерживает отказ от выработки общей политической позиции и в ситуации взаимной неосведомленности и разочарования способствует нарастанию противоречий и разобщенности. Таким образом, индивидуалистическая этика политического участия становится тормозом деятельности новых локальных движений. Логика индивидуального действия и отрицания формы коллективной работы вытесняет стремление объединиться с «такими же, как я», и действовать с ними вместе. На пике кризиса участники групп могут не просто отрицать возможность коллективного действия, но даже тот факт, что они когда-то сами принимали участие в деятельности какой-либо группы. Вот как в момент наибольшего разочарования осмысливает свою деятельность лидер одной из локальных групп:

Ну, я никогда не представлял себя частью какой-то группы. ... Я сейчас даже начинаю думать, может быть, раньше я считал себя частью какой-то группы. Не знаю. Я имею в виду, нет группы с какими-то правилами, каждый индивидуалист, и каждый занимается, чем хочет. Хочет разносить листовки – разносит, не хочет – не разносит, хочет – приходит на собрания, не хочет – не приходит. <...> Лично моя цель какая была – чтобы люди начали более... становились более самостоятельными, как-то начали реагировать на внешние факторы, факторы воздействия со стороны правительства или других людей, как-то учились общаться, собирались в группы... В группы? [удивленно смотрит на себя, как будто не веря, что он это сказал – прим. интервьюера]. Ну да, в группы. Но не в такие группы, как там нас учила советская власть, а в группы по интересам, по обсуждениям. Вот. Я лично в таких группах во многих участвую. Допустим... или не участвую? (м., 1981 г.р., участник ГО, высшее образование, частный предприниматель).

***

Конфликт стремления к солидарности и ценностей индивидуализма, который мы поместили в центр нашего внимания, является особенностью всех изученных нами локальных движений. Политизировавшись во время митингов и желая продлить опыт коллективного действия, наблюдатели

и участники митингов объединялись для того, чтобы продолжить свою деятельность, обратившись к социальным проблемам районов и городов, решение которых традиционно находилось в компетенции государственных служб. Модель их взаимодействия внутри самоорганизованных групп изначально опиралась, с одной стороны, на отказ от коллективного принуждения, а с другой – на веру в инициативу, самостоятельность и автономию отдельных членов. Несмотря на стремление к объединению, инерция деполитизации, усилившая эту тенденцию, трансформировала «этику самостоятельности» в «этику неучастия». То, что поначалу гарантировало успех и возможность организации инициативы, опирающейся на веру в ответственное и самостоятельное участие в общем деле, привело к ослаблению связей между активистами, их разочарованию в коллективной деятельности и закреплению права на отказ от участия в отдельных кампаниях группы.

Вместе с тем, необходимо сделать ряд серьезных оговорок. Во-первых, не во всех движениях этот конфликт проявляется одинаково остро и неизбежно приводит к кризису и распаду групп. Напротив, он может сглаживаться или вытесняться под воздействием самых разных обстоятельств. Во-вторых, могло сложиться впечатление, что все гражданские объединения похожи друг на друга, а их динамика задана исключительно этим конфликтом. Это очевидно не так: движения отличаются по самым разным параметрам, а этот конфликт – лишь один из векторов их развития. Однако в ситуации отсутствия серьезных ресурсов и поддержки, неопытности активистов-новичков, неопределенности стратегий и тактик, невнятности реакции со стороны окружающих и государства, очень многое зависит от того, что социологи называют *agency*, т.е. от поступков, выбора, инициативы людей. Именно поэтому внутренний конфликт между конкурирующими ценностями, стремлениями и идеалами становится столь значимым для групповой динамики.

Конфликт между индивидуализмом и солидарностью вовсе не является неизбежным или непреодолимым. В американском движении *Оккупай Уолл-Стрит* одной из задач, которую эксплицитно ставили перед собой активисты, было создание новых форм коллективности, противостоящих индивидуализму капиталистического субъекта и вместе с тем сохраняющих индивидуальную свободу активистов. Экспериментируя с различными способами организации коллективного действия, их участники в разной степени преуспели в решении этой задачи. В ходе исследования мы также обнаружили различные способы организации движений, которые позволили избежать этого конфликта или сгладить его. Например, инициативы А. Навального, участники которых, будучи связаны общей сетью, а также идеей или целью, действовали независимо друг от друга, тем не менее, внося вклад в общее дело, важность которого ощущал каждый из них. Такая схема позволила активистам, чьей индивидуальной свободе ничто не угрожало, пережить опыт единства, схожий с тем, который пережили участники митингов: будучи объединенными через сопричаст-

ность одному и тому же делу, они были достаточно разобщены, чтобы избежать угрозы подчинения «общественному давлению», и достаточно связаны, чтобы ощутить присутствие других, «таких же, как они».

Список источников

- Волков Д. *Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты*. 2012 // [http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011–2012-gg](http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg) (дата обращения: 26.10.2013).
- Вольпина Н. Теория малых дел. *Snob*. 2012 // <http://www.snob.ru/profile/21090/blog/54899> (дата обращения: 17.11.2013).
- Воронков В. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Ю. Левада, Т. Шанин (ред.) *Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России*. М.: Новое литературное обозрение, 2005: 168–200.
- Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общности из духа города // О. Хархордин (ред.) *От общественного к публичному*. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011: 69–304.
- Журавлев О., Магун А. Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м. *Slon*. 2012 // http://slon.ru/russia/protestnomu_dvizheniyu_ne_khvataet_populizma-869844.xhtml (дата обращения: 26.10.2013).
- Интервью с Ириной Ясиной: о российской экономике, власти и теории малых дел // *Особая буква*. 2013 // [http://www.specletter.com/obcshestvo/2013–03–12/putin-prezident-upruchennyh-vozmozhnostei.html](http://www.specletter.com/obcshestvo/2013-03-12/putin-prezident-upruchennyh-vozmozhnostei.html) (дата обращения: 1.05.2014).
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата, 2010.
- Крауч К. *Постдемократия*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010.
- Преодолевая деполитизацию: диалог участников Коллектива исследователей политизации // *Политическая критика*. 2013. (1): 212–227.
- Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина // *Неприкосновенный запас*. 2012. 2 (82): 169–191.
- Ховард М. *Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе*. М.: Аспект пресс, 2009.
- Arendt H. *Between Past and Future. Six Exercises in Political Thought*. New York: Viking Press, 1961.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*. London: Sage, 2002.
- Della Porta D. *Mobilizing for Democracy*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Hunt S. A., Benford R. D. Collective Identity, Solidarity, and Commitment // D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi (eds.) *The Blackwell Companion to Social Movements*. Oxford: Blackwell, 2004: 433–457.
- Juris J. Reflections on #Occupy Everywhere: Social Media, Public Spaces, and Emerging Logics of Aggregation // *American Ethnologist*. 2012. 39. (2): 259–279.
- Kharkhordin O. The Corporate Ethic, the Ethic of Samostoyatel'nost and the Spirit of Capitalism: Reflections on Market-Building in Post-Soviet Russia // *International Sociology*. 1994. 9(4): 405–429.
- Kashirskih O. The Depoliticization of Political Preferences in Russia // *1st International Conference on Public Policy (ICPP)*. Grenoble. June 26–28, 2013.
- Walgrave S., Klandermans B. Open and Closed Mobilization Patterns: The Role of Channels and Ties // S. Walgrave, D. Rucht (eds.) *Protest Politics: Demonstrations against the War on Iraq in the US and Western Europe*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010: 169–192.

INDIVIDUALISM AND SOLIDARITY IN THE NEW RUSSIAN CIVIL MOVEMENTS

Oleg Zhuravlev

Natalia Savelyeva

Svetlana Yerpyleva

The article is based on sociological research of the dynamics of new local social movements appearing after the "For fair elections" rallies. This research is based on 36 indepth interviews with activists of the newly created local groups. The respondents were recruited in Moscow and St. Petersburg. The presented analysis takes into account three activist groups ("Headquarters" and "Group of Watchers" in Moscow and "Civil Union" in Petersburg). The article is focused on the role of subjectivities in the "first time" activists in the creation of civil society institutions in Russia. The central question of the article is as follows: how do individualisation and the values of individualism influence representations of political freedom and practices of politicization. This issue is analysed within the framework of public and private spheres. The movements, which emerged from the emotional enthusiasm of protestors and election observers, are now in a crisis of demobilization. At the heart of the crisis is the contradiction between desire to sustain collective action emerging as a result of the rallies and the ethic of self-reliance and individualism that is shared by the activists. This individualism is shaped by personal careers of socialisation in a depoliticised society that has been characterised by the dominance of private sphere by the state, economic rationality and stigmatisation of the political. The authors outline their theory of depoliticisation and claim that the latter not only hinders political participation but also influences the styles and strategies of politicisation visible within the movement "For fair elections" in Russia. In the article, the authors argue that the depoliticised ethic of individualism, which previously distracted people from political participation, now forms the individualised ethic of political action, which considers participation as a voluntary contribution that can also be voluntary withdrawn.

Key words: collectivity, individualism, civil self-organisation, local social movements, protest, depoliticization

References

- Arendt H. (1961) *Between Past and Future. Six Exercises in Political Thought*, New York: Viking Press.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*, London: Sage.

Oleg Zhuravlev – PhD student, European University Institute, Florence, Italy; researcher, Public Sociology Laboratory CISR, St. Petersburg, Russian Federation. Email: OlegZhur@yandex.ru.

Natalya Savelyeva – researcher, Public Sociology Laboratory CISR, MA, Faculty of Political Science and Sociology, European University at St. Petersburg, Russian Federation. Email: natasha-saveleva@yandex.ru

Svetlana Yerpyleva – European University at St. Petersburg; researcher, Public Sociology Laboratory CISR, St. Petersburg, Russian Federation. Email: yerpylevas@gmail.com

- Clement C., Miryasova O., Demidov A. (2010) Ot obyvatelej k aktivistam. Zarojdajushiesja socialnye dvizenija v sovremennoj Rossii [From Ordinary Citizens to Activists. Rising Social Movements in Contemporary Russia], Moscow: Tri kvadrata.
- Crouch C. (2010) *Postdemokratia* [Post-Democracy], Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
- Della Porta D. (2014) *Mobilizing for Democracy*, Oxford: Oxford University Press.
- Gladarev B. (2011) Istoriko-kulturnoje nasledie Peterburga: rozhdenie obshestvennosti iz duha goroda [The Cultural and Historical Heritage of Petersburg: the Birth of Public from the Spirit of the City]. O. Kharhordin (ed.) *Ot obshestvennogo k publichnomu* [From Common to Public], St. Petersburg: European University Press: 69–304.
- Howard M. (2009) *Slabost grajdanskogo obshestva v postkommunisticheskoj Evrope* [The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe], Moscow: Aspekt press,
- Hunt S. A., Benford R. D. (2004) Collective Identity, Solidarity, and Commitment. D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi (eds.). *The Blackwell Companion to Social Movements*, Oxford: Blackwell: 433–457.
- Intervyu s Irinoy Yasinoy: o rossijskoj ekonomike, vlasti i teorii malykh del [Interview with Irina Yasina: On the Russian Economy, Power and the Theory of Small Deeds] (2013). *Osobaya bukva* [Special Letter]. Available at: <http://www.specletter.com/obshestvo/2013-03-12/putin-prezident-upuchshennyh-vozmozhnohei.html> (accessed 1 May 2014).
- Juris J. (2012) Reflections on #Occupy Everywhere: Social Media, Public Spaces, and Emerging Logics of Aggregation. *American Ethnologist*, 39(2): 259–279.
- Kharkhordin O. (1994) The Corporate Ethic, the Ethic of Samostoyatel'nost and the Spirit of Capitalism: Reflections on Market-Building in Post-Soviet Russia. *International Sociology*, 9(4): 405–429.
- Kashirskih O. (2013) The Depoliticization of Political Preferences in Russia. 1st *International Conference on Public Policy (ICPP), Grenoble, June 26–28*.
- Preodolevaja depolitzatsiyu: dialog uchastnikov Kollektiva issledovateley politizacii [Overcoming Depoliticization: the Dialog of Collective "Research in Politicization" Participants] (2013). *Politicheskaja kritika*, 1: 212–227.
- Prozorov S. (2012) Vtoroj konec istorii: politika bezdejatel'nosti ot perestrojki do Putina [The Second End of History: the Politics of Inactivity from Perestroika to Putin]. *Neprikosnovennyj zapas* [Untouchable Store], 2(82): 169–191.
- Volkov D. (2013) *Protestnoe dvizhenie v Rossii v konce 2011–2012 gg.: istoki, dinamika, rezultaty* [Protest Movement in Russia at the End of 2011–2012: Origins, Dynamics, Results]. Available at: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> (accessed: 26 October 2013).
- Vol'pina N. (2012) Teoria malih del [The Theory of Small Deeds]. *Snob*. Available at: <http://www.snob.ru/profile/21090/blog/54899> (accessed: 17 November 2013).
- Voronkov V. (2005) Proekt "shestidesiatnikov": dvizhenie protesta v SSSR [The Sixties Project: Protest Movement in the USSR]. Y. Levada, T. Shanin (eds.) *Ottsy i deti. Pokolencheskiy analiz v sovremennoj Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Contemporary Russia], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 168–200.
- Walgrave S., Klandermans B. (2010) Open and Closed Mobilization Patterns: The Role of Channels and Ties. S. Walgrave, D. Rucht (eds.) *Protest Politics: Demonstrations against the War on Iraq in the US and Western Europe*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 169–192.
- Zhuravlev O., Magun A. (2012) Novyj populizm: kak protestnomu dvizhenju vyzhit v 2013 godu i dobitya uspeha v 2014m [The New Populism: How the Protest Movement Can Survive in 2013 and How to Achieve Success in 2014]. *Slon*. Available at: http://slon.ru/russia/protestnomu-dvizheniyu_ne_khvataet_populizma-869844.xhtml (accessed: 26 October 2013).